

Тертоны Голока

Лама Пема Дудул (Сергей Дудко)

Получил образование по прикладной математике и истории Тибета. Специалист по искусству и культуре стран Гималайского региона, где проживает около 15 лет, путешественник, переводчик, священнослужитель (лама) ордена Катхог традиции Ньингма тибетского буддизма.

Фото: Сергей Дудко

Что остается у ученика после встреч с Мастером? Самое сокровенное, то, что отпечатывается в глубине сознания, выразить невозможно. Личные наставления настолько интимны, что их нельзя озвучить. И воспоминания о встречах, которые вскоре становятся похожими на сон или сказку.

Ждать дальше в большом китайском городе было бессмысленно. Переводчика не будет – не дали визу. Значит, придется ехать одному. Знакомый тибетец познакомил с хмурым китайцем, который согласился взять попутчика в кабину своего грузовичка. Что ж, автостоп для начала неплохо.

Из Ченгду выехали затемно. Пару часов по хайвэю, затем шесть тоннелей один за другим, по три, по четыре километра длиной. Выныриваем из последнего, и мы уже в Тибете. Два дня на пути в Голок – достаточно времени, чтобы вспомнить прошлогоднюю первую встречу с учителем.

— Ты собираешься в наши края, – спросил меня знакомый лама в Катманду. – И кого бы ты хотел там встретить? В углу комнаты над алтарем, как водится, были приклеены в несколько рядов много фотографий. Были там и известные учителя, большинство же лиц я видел впервые. Но три фотографии сразу приковали мой взгляд, и рука сама потянулась к ним.

— Я хочу встретить его, его и вот его!

— Да, хороший выбор, – усмехнулся лама. Все трое – великие Мастера Дзогчена, тертоны и махасиддхи. О них почти никто не знает за пределами Тибета, ведь они никогда не путешествуют и очень избирательно общаются с людьми. Я могу тебе дать их адреса, и даже письма к своим родственникам, но не могу пообещать, что они тебя примут, и тем более будут учить. Удачи!

К тому времени за плечами было несколько лет изучения и практики буддизма в России, и почти 10 лет – в Индии и Непале. Меня давно беспокоило громадное

различие между тем, как проходит обучение на Западе, и как оно проходило в традиции и описывалось в жизнеописаниях Мастеров прошлого. Возможность встретиться с тертонами в «естественной среде обитания» волновала необыкновенно.

Терма по-тибетски означает буквально «клад, сокровище». Так принято называть духовные учения, находимые в виде текстов вместе с ритуальными предметами, и откровения, полученные без материальной основы. Мастера, их записывающие, называются тертонами.

В последнее время про традицию терма много говорилось и писалось, в том числе и на страницах этого журнала. Человеческий ум всегда привлекает что-то новенькое, и новые учения, полученные как откровения, кажутся очень интересными. Подобные учения всегда существовали в различных духовных традициях, а в наши дни они стали настоящей модой. Как грибы растет число людей, общающихся с божествами, ангелами, вознесенными владыками и прочими, сериалы их ченнелинга заполняют полки книжных магазинов, а некоторые авторы – палаты соответствующих клиник.

Истинный смысл терма – не в их новизне. Ведь суть учений не меняется, она – вне времени. Мало меняется и омраченный ум – все те же желания и эмоции. Новыми являются только некоторые формы практик, расставляемые акценты. Терма необходимы, чтобы поддерживать учения живыми, защищать их от искажений и вырождения. Терма являются на самом деле жизненным соком

для древа тантрических учений, без которого оно засыхает, сначала изнутри, а потом и снаружи.

Только в тибетских традициях ньингма (древняя буддийская школа) и бонпо есть учение об откровениях-терма. Существует их подробная классификация, предсказания, проверка подлинности. Объясняется, какие учения не могут быть терма (например, полностью полученные во сне), как отличить ложные учения, полученные от различных духов и существ, от сокровищ знания, переданных Просветленными в лице Драгоценного Учителя – Падмасамбхавы.

В тот год меня сопровождали несколько русских друзей и наемный переводчик из Лхасы, который клялся, что понимает язык Амдо, северо-восточной провинции Тибета. Пришлось убедиться в очередной раз в справедливости тибетской пословицы: «В каждой долине – свой язык, у каждого ламы – свое учение». Наш путь лежал в Голок – обширную область, до сих пор населенную почти исключительно кочевниками. Бескрайние просторы горных пастбищ, напоминающие тундру со стадами яков и черными палатками пастухов, снежные пики на горизонте, изумрудные глади озер, бурные реки, несущие свои воды через перевалы на дне ущелий, поросших лесами. И обитатели этих мест, никогда не признававшие ничьей власти, исходила ли она из Пекина или Лхасы. Сейчас к их пастбищам проложили асфальтированные дороги, кочевники обзавелись мобильниками и телевизорами, многие пересаживаются с коней на мотоциклы,

но время почти не затронуло их уклад жизни и крутой свободолобивый нрав. Этот суровый край стал одной из предсказанных «потаенных земель», где в эпоху упадка будет сохранено подлинное учение Будды, и где последние два столетия обретаются удивительные откровения – терма Падмасамбхавы.

Падмасамбхава – основатель тибетского буддизма, в тантрической традиции – архетип учителя, воплощение качеств всех Посветленных.

И вот рано утром мы стоим перед воротами дома тертона Джикмэ Дордже Ринпоче. Выходит молодой лама. «Ринпоче нездоров и не принимает. Может быть, завтра, но вряд ли. Наверное, вам лучше не ждать, а уехать. Если хотите, дадим вам сопровождающего, он покажет вам окрестные монастыри». О том, что сопровождающий – старший сын тертона Тулку Женпен Нима, мы узнали только за ужином... Но впечатление на разведчика мы произвели хорошее, и следующим утром нас приняли. «Что ты хочешь?» – спрашивает учитель меня строго. С изумлением я слышу свой ответ: «Ваши терма». От брошенного на меня взгляда я съезжился. Промелькнула мысль, что обратный билет уже не понадобится – сейчас

Тертон Джикмэ Дордже

получу пинок под зад и улечу домой. (Позднее я узнал, что тертон действительно известен своим крутым нравом). После нескольких минут молчания. «А что ты знаешь о терма?» Началась первая беседа, весьма неторопливая. Местный говор голокского диалекта амдоского языка оказался столь далек от «правильного» Лхасского тибетского, что переводчик из Лхасы оказался совершенно бесполезен. Когда речь шла о «высоких материях» вроде 18 видов терма, я узнавал классический старотибетский язык в невероятном звучании. Но простейший разговор о семье и погоде оказался возможен только посредством... китайского перевода. В конце беседы тертон задержал меня на несколько минут, подарил ламские атрибуты (колокольчик и скипетр-ваджр) и сказал только: «Приезжай в следующем году, но не бери с собой никого».

И вот я трясусь в грузовике, думая, что я буду делать, не понимая ни голокский диалект, ни «государственный» китайский, имея в кармане только адрес родственников своих друзей-тибетцев из Катманду.

По приезду в первый же вечер я столкнулся на улице с девушкой, которая родом была из этой деревни и захала к сестре в гости на одну ночь. Работала она в столице провинции учителем английского языка в тибетской школе! Естественно, на следующий день она никуда не уехала, а пошла со мной к дому учителя «работать по специальности». Едва мы подошли к дому, как на втором этаже распахнулось окно. Ринпоче стоял в проеме. «Русский лама Пема Дудул!» Я начал простирается на земле перед домом. Меня провели внутрь.

— Ну, зачем приехал?

— Учиться.

— Чему?

— Всему!

На несколько минут Мастер застыл неподвижно.

— Хорошо. Буду тебя учить. Жить будешь дома, с моими детьми. Тебе покажут, где спать, где есть. Переводчица пусть приходит по утрам.

Жизнь в доме ничем не напоминала спокойствие монастыря.

Множество детей (девять своих, обычно еще пара соседских), родственники, посетители из деревни, пара-тройка лам из своего монастыря. Со всем этим управлялась жена, дакини Таре Лхамо, практически без посторонней помощи. Тертон Джикмэ Дордже мог быть в своей комнате, писать, молиться, выполнять ритуал, беседовать с посетителями, пребывая всегда в одном спокойно-суровом состоянии. Так я увидел, что в учении называется «соединением практики с повседневной жизнью». А повседневная жизнь не предусматривала, помимо всего прочего, водопровода, душа и канализации... Бытовые подробности опушу, жалея впечатлительных цивилизованных читателей.

— Что ты хочешь знать в первую очередь? – спросил Ринпоче на второй день.

Пема Гарванг Ринпоче

— Среди всех учений лучшие – это прямые наставления о природе ума.

— Ты прав. Но не нужно спешить. Я тебя принял, потому что давно знаю. Ты этого не помнишь, но это неважно. У нас есть время. Ты умрешь нескоро, я – не очень скоро. Я тебе передам все, что ты сможешь воспринять, все свои терма этой и прошлой жизни, всю традицию Катхог, ничего не утаивая. Ты должен только иметь терпение и следовать древнему порядку обучения. Еще ты должен выучить мой язык. В будущем не приводи с собой никого, даже переводчик может быть лишним.

В традиции Дзогчена – Великого Завершения при передаче чрезвычайно важны пять соответствий: учитель, ученик, передаваемое учение, место и время должны быть правильными, иначе передача невозможна. Я дам тебе наставления по природе ума, но не в этот раз. Если ты хочешь получить их сейчас, то завтра отправляйся к Гья Пема Гарвангу Ринпоче. Это великий Мастер, пребывающий в непрерывной медитации Великой Полноты многие годы. Он живет в соседней долине. Женпен Нима проводит тебя. Скажи просто, что ты от меня.

Дзогчен – высшее и самое сокровенное учение в Тибете. Принятый во многих книгах перевод слова Дзогчен как «Великое Совершенство» ошибочен. Тибетский термин Дзогна Ченпо правильнее переводить «Великое Завершение» (если речь идет о пути), «Великая Завершенность» или «Великая Полнота» (когда говорят о результате или состоянии).

Покосившийся забор. Домик, приютившийся на склоне горы. Внутри на кровати сидит глубокий старик. Первое, что привлекает внимание – его осанка, и, конечно, глаза. В них проваливаешься, тонешь в океане. Женпен Нима рассказывает: «Ламе Гарвангу 86 лет. Он провел десятки лет в уединенной медитации. И 16 лет в китайских тюрьмах, где его долго пытали. Поэтому

Фото: Сергей Дудко

Монастырь Катхог

сейчас он очень плохо видит и слышит. Садись поближе, а я буду кричать ему в ухо».

На следующий день речь пошла о природе ума. Мастер провел меня, как ребенка за ручку, по этапам медитации. Его радостный смех в конце «Ты понял» навсегда остался у меня в памяти и в сердце. Мы встречались несколько дней подряд. Гарванг Ринпоче передал мне свои терма, в частности гуру-йогу моего учителя в прошлой жизни. В последний день он говорил о монастыре Катхог, где учился в молодости. Монастырь Катхог основал в 1156 г. великий Мастер Дампа Дешек. Он стал крупнейшим монастырем Восточного Тибета. Считается, что из числа людей, обучавшихся и практиковавших в Катхоге, сто тысяч человек явили достижение радужного тела, начиная от учеников основателя и до Ньякла Пема Дудула в 1872 г.

Радужное тело – высшая форма обретения просветления на пути Дзогчен. Мастер, умирая, растворяет свое тело в свет, и оно исчезает. Остаются иногда только волосы и ногти. Такие случаи происходят в Тибете и по сей день.

Катхог – старейший из существующих в Тибете центров изучения и практики Дзогчена. Гарванг Ринпоче вспомнил, как пришел в монастырь мальчишкой, и письму его учил юный серьезный монах Сангье Дордже,

которого сейчас все знают как Чатрала Ринпоче. Позднее лама Гарванг учился у всех великих кенпо (профессоров) того времени, а также у учеников Ньякла Пема Дудула. В заключение он передал мне благословение силы медитации всей линии Катхог.

В другой раз Джикмэ Дордже спросил меня:

— Встречался ли ты с Тулку Тенпо?

— Я был в его монастыре, но не застал.

— Тулку Тенпо – величайший из живущих знатоков учения Дзогчен. Он написал много книг, как комментарии на классические труды древности, так и новые работы. Он сейчас учит в одном монастыре неподалеку (соседняя долина, 10 км, по тибетским понятиям, как нам на соседней улице). С утра он дает закрытые наставления. Поезжай после обеда.

Встретить его – большое благословение.

Кхангсар Тулку Тенпо Ринпоче сидел на кровати в окружении своих монахов и учеников. Я простерся и вручил ему статуи Лонгченпы и Джикмэ Лингпы (величайших

Тулку Тенпо Ринпоче

Мастеров и авторитетов в традиции Дзогчен).

— А почему эти статуи?

— Встретить Вас, Ринпоче, – это как встретиться с ними воочию.

— Так, а ты знаешь про Дзогчен? – Ринпоче выпрямился, лицо его стало суровым. Монахи вокруг стали отползать, опасаясь бури. – Кто ты, откуда? Кто тебя учил?

— Я принимал Прибежище у Чагдуд Тулку Ринпоче, начал я.

— Это великий Мастер. Только он передавал Дзогчен на Западе подлинным способом. Ты получал от него эти наставления?

— Нет, он только один раз приезжал в Россию, в 1994 году. (Я хорошо запомнил этот краткий визит, с которого началась моя связь с Катхогом в этой жизни). Передачу Дзогчен я получал в группах...

— Это все не то, – перебил меня Ринпоче. – Я знаю, как это происходит на Западе. Передача для толпы, купившей билеты – это просто бизнес, а бывает еще передача по интернету – это шарлатанство. К Дзогчену это не имеет отношения. Я дважды встречался с большими группами белых людей. Они были учениками известных у вас лам, и все считали себя практикующими Дзогчен. На самом деле ни один из них не имел об этом учении никакого понятия или переживания, только лишь гордыню.

Прямая передача возможна только от учителя одному ученику. Но этому должна предшествовать подготовка, выполнение предварительных практик. Главное в предварительных практиках – тренировка ума (лоджонг по-тибетски). Есть много систем этой практики, но их можно свести к двум основным направлениям – развитию отречению и бодхичитты (пробужденного ума на благо всех существ). Ученик должен посвятить несколько лет этой практике, до этого даже говорить о Дзогчене бессмысленно.

Мы продолжали беседу.

— А ты знаешь много слов. Вижу, что прочел много книг. В молодости я тоже прочел много книг, стал образованным в мадхьямаке, логике, других дисциплинах. Но когда я встретил своего коренного учителя, то понял, что все это не имело никакого значения.

Тогден Лодро Гьямцо был невероятным мастером. Он передал мне подлинное знание, и также благодаря ему жива передача в Дзогчен монастыре. Вообще говоря, в чтении книг по Дзогчену большой пользы нет.

— А ваши книги тоже не стоит читать? – спросил я.

— Но ты же все равно их читаешь. А что у тебя есть?

— Ваше собрание сочинений.

— Какое издание, в пяти томах или в восьми?

Фото: Сергей Дудко

— Оба есть, Ринпоче!

— Во дает! А где ты взял второе? Оно же не распространялось открыто для всех.

— Ну, я смог достать, – отвечаю уклончиво.

Ринпоче смеется.

— Я видел в жизни много чудес, знал многих сиддхов. Друбтоб Юпи мог летать и ходить сквозь стену. Сейчас же передо мной белый человек, который ради знания проделал такой путь, преодолел невзгоды и в такой глуши нашел своих учителей из прошлых жизней. Просто удивительно!

Твой коренной учитель, тертон Джикмэ Дордже – великий Мастер Дзогчена, намного выше меня. Тебе невероятно повезло. Но если хочешь получать наставления у меня, то должен выучить амдосский язык. А то твоя переводчица устала в пол и вся дрожит! Но поспеши. Мне уже 70. Я устал жить в этом теле. Через 2 года его оставлю.

— Нет, Ринпоче, не надо, пожалуйста.

Он лишь громко смеется.

Надо сказать, что свое обещание он пока отложил... Что меня приятно удивило – это отношения между великими Мастерами. Взаимное уважение, скромность, отсутствие каких-либо притязаний на «своего» ученика. Несмотря на разный облик, стиль учения, манеру разговора, я постоянно чувствовал, что получаю на свои вопросы одни и те же ответы от Падмасамбхавы, принимающего разные формы. ■

